

ГОЛОСА

АЛИС МАРТ

18+

Алис Март

Голоса

<https://litres.ru/74545933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом навсегда остаётся в памяти. Море забирает и возвращает. Дорога помнит всех, кто по ней шёл. Женщина знает: свобода страшнее, чем плен. Девушка записывает в дневник то, что видит только она. Лес не рассказывает чужакам своих сказок. А дети идут в темноту искать друга.

Семь историй о тех, кто остался наедине с лесом, водой, памятью и собой. Одни спасутся. Другие — нет.

Содержание

Дом.	4
Берег, где ждут.	8
Я — дорога.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Голоса

Дом.

Дом — это те, кто живёт в твоей душе.

Ярко-оранжевое солнце медленно плыло среди ленивых перистых облаков, превращая видимую часть далекого горизонта в закат. Вершины гор окрасились темной охрой. На ущелье опускался сумрак.

Он стоял посреди руин и не верил. До сих пор не верил, что маленького селения, затерянного среди скал, больше нет.

Не пели птицы, не журчали струи бурного ручья с чистой ледяной водой, не звучали голоса односельчан. Только резкий порыв ветра изредка доносил далекие отголоски шуршащего меж камней песка да шепот древней рощицы, стоящей поодаль.

Он вздохнул, отвел глаза от уходящего на ночь светила, обвел взглядом то, что осталось. Порушенные остовы, торчащие из земли, давно поросшие высокой травой, будто бы простирали к небу искалеченные руки, точно моля о спасении. Или упокоении?

Кулаки сжались сами собою. Когда-то здесь была его деревня. Его жизнь началась здесь. Отсюда он уехал в поисках

чего-то большего, светлого, важного настолько, что порвал все связи с этим местом, оставил друзей и знакомых... Он не нашел. Скитался много лет, кочуя из города в город, из страны в страну, но никакие блага земные не смогли истереть из памяти горное селение. Тот внутренний ребенок, что родился в старом доме, где царил тяжелый дух дерева, свечного воска и немного ладана, не желал мириться с иной жизнью. Его всегда тянуло сюда.

Вот солнце играет бликами на пенистых упругих волнах. Ручей шумит и вьется меж камней. А он бежит за пущенной в воду щепкой, которую захватил поток. Ему девять. Ему радостно и смешно. Его щепка обогнала щепку друга. Гордость наполняет, когда он громко, с какой-то особой важностью рассказывает сидящей на завалинке бабке:

— А мой кораблик обогнал! Я первый!

Бабка качает головой, улыбается едва заметной строгой улыбкой. От нее пахнет медом, жирным парным молоком и пустырником. Она стара настолько, что помнит, как возникло селение. Он знает его уже мертвым.

В доме ночью он не спит. Жара и духота, пришедшая с туманом, делают простыни влажными. Отец ходит по кухне — скрипят половицы, — о чем-то украдкой вздыхает мать.

— Так будет лучше, — голос строгий, не терпящий возражений.

Он знает, мать кивнула. Губы ее поджались в нитку. Она не станет спорить. Никогда.

Наутро бабка собирает в дорогу пирожки, сует ничего не понимающему мальчику в руки бутылку с теплым еще молоком. Коробки уже стоят во дворе. Они уезжают.

Он в последний раз обходит дом. Сначала внутри: из комнаты в комнату, — гладит каждую стену, прощаясь. Потом — вокруг, огородами, снаружи. Рука задевает злую крапиву. Он морщится. Кажется, до сих пор чешется и горит тыльная сторона ладони.

Он трет ее о брюки.

Они уезжают.

Этот переезд для него стал чем-то сравнимым с предательством. Долго он лежал без сна в новом доме, вспоминая, сердцем и душой стремясь к тем стенам, где родился. Там остались его друзья, соседи, бабка... Детство! Он тихо скулил в темноту. Темнота хранила безразличное молчание.

Сколько лет прошло прежде, чем он смог вернуться туда? Десять? Около того... Остались горы, разрушенные избы, обрыв, с которого они с другом кидали камни на спор. Нет больше деревни, нет бабки, нет соседей... Но дом...

Он присел на высокий покатый валун, возвышающийся над склоном. Солнце зашло, мягкие сумерки окутали долину туманом. Где-то запела ночная птица, ветерок зашелестел листвой, пахло влажным камнем. Дом остался. Здесь. Он коснулся левой стороны груди. Сердце билось размеренно и ровно. Улыбка тронула обветренные губы.

Пока перед глазами встают картины детства, пока он с

точноcтью может сказать, сколько ступеней было у их крыльца и как выглядел его лучший друг, чем пахло раннее утро, какие песни пел ручей за домом... Пока жива память, жив и дом.

Ведь дом — это не стены и не крыша, не двери и не окна. Дом — это те, кто живет в твоей душе, кто ждет тебя и радуется, когда ты возвращаешься. Его нельзя потерять. Дом, он всегда с тобой.

Берег, где ждут.

*Море всегда возвращает рыбаков
домой.*

Лодку звали «Авось». Когда-то, ещё при отце, она сияла свежей голубой краской и звалась «Чайкой». Но тётка Зина, получив в наследство и лодку, и дом, и саму Лику, переименовала посудину со свойственным ей мрачным цинизмом: «Авось не потонешь, авось вернёшься».

Краска облупилась, обнажив серую, изъеденную солью древесину. Вёсла были тяжёлыми, не по росту, и девочке приходилось налегать всем телом, чтобы провернуть их в уключинах.

Ли́ка сидела на корме, сжимая в озябших пальцах самодельную снасть: свинцовое грузило, отлитое в консервной банке, и кованый крючок, привязанный особым рыбацким узлом.

Отец учил: «Узел должен держать так, чтобы леска порвалась где угодно, но не на нём». Ли́ка вязала узлы с десяти лет и никогда не ошибалась.

Поплавок из гусиного пера, раскрашенный красной и белой краской, покачивался на воде.

Клёва не было. Ли́ка проверяла наживку, вытаскивая леску. Червь размокал, становился вялым. Она меняла его,

злясь на собственную неудачливость.

Море, ещё утром гладкое, начинало дышать глубоко и тревожно.

На дне лодки сиротливо лежал тощий окунёк и пяток бычков, смешно растопыривших колючие плавники.

Для ухи этого было мало. Слишком мало, чтобы тётка не устроила очередной скандал. Та требовала карасей, судака или щуку. Хотя знала: с лодки на простую удочку серьёзную рыбу не поймать. Нужен спиннинг, блёсны. Но снасти отца тётка продала в первый же год, пропив выручку с рыночным торговцем Валеркой.

Лика могла напомнить, что отец и мать ходили в море за уловом для всей артели. Они были лучшими рыбаками на побережье. Но спорить с тёткой бессмысленно – та питалась её болью и не наедалась.

Лике было четырнадцать. У неё отцовские широкие скулы и материнские серые, как небо перед дождём, глаза. Она перебирала леску, чувствуя каждый микрон вибрации, как учил отец: «Когда не клюёт – слушай воду. Вода расскажет, где рыба стоит». Лика слушала. Вода молчала. Молчание было тяжёлым, предгрозовым.

Порыв ветра ударил неожиданно. Поплавок дёрнулся, ушёл в сторону. Леска натянулась, завибрировала.

Лика принялась быстро выбирать снасть. Пальцы двигались сами, с отточенной годами сноровкой.

Небо темнело, наливалось чернильной синевой. Сначала

пропали чайки. Их крики сменившись вязкой тишиной.

Надо возвращаться.

Ли́ка схвати́лась за вёсла, но лодка уже плясала на чёрных горбах волн, выраставших из глубины без всплеска и пены. Весло вырвалось из рук, ударило по пальцам. Ли́ка вскрикнула. Отец говорил: «Весло в море – это жизнь. Потерял весло – потерял половину шансов».

Ветер загудел в ушах торжествующе. Этот звук снился ей каждую ночь последние два года.

Ли́ка ви́дела всё с берега, но во сне всегда оказывалась внутри.

Гул нарастал, переходя в рёв. Небо падало в море, море вздымалось к небу. В этой жуткой смычке не оставалось места для маленького судна «Надежда».

Отец, огромный и надёжный, как скала, толкал мать к шлюпке. Мама, тонкая и гибкая, цеплялась за тросы мокрыми руками. Ветер вырывал слова. Девочка знала, что кричала мать: «Ли́ка!» Отец оглянулся на берег. Там стояла она, десятилетняя, прижимая к груди куклу. В глазах отца не было страха, только бесконечная любовь и горечь.

Тёмная волна встала за кормой, закрыла полмира и обрушилась вниз. Раздался хруст, скрежет. «Надежда» переломилась, как щепка.

И наступила тишина. Только дождь хлестал по опустевшей воде, выбивая миллионы мелких кратеров.

Тела не нашли. Лишь спасательный круг с надписью «На-

дежда» прибило через три дня к скалам у мыса.

Ли́ка сжалась в комок. Лодка стонала. Стихия кричала голосами утопших и выла в уключинах.

Девочка чувствовала, как сознание затапливает ужас. Она больше не была угрюмым подростком, которого гнобит тётка. Она снова стала ребёнком на берегу, который смотрит, как море забирает родных.

Воспоминание было настолько ярким, что она почувствовала запах свежельвленной рыбы, смешанный с соляной и йодом. Запах родительского судна, возвращавшегося с промысла.

– За что? – ветер слизнул шёпот с губ. – Ты их уже забрало... Отпусти...

Волны не слушали. Они раскачивали лодку с жестокостью пьяного хулигана. Ливень встал стеной. Слезы текли по лицу, смешиваясь с солёными брызгами, но внутри, под толщей ледяного страха, разгорался уголёк ярости. Она вспомнила руки тётки, пересчитывающие её сиротскую пенсию. Вкус пустого чая без сахара. Как тётка продала отцовский спиннинг с пробковой рукояткой.

Нет.

Не бывает этому.

Она не станет кормом для рыб. Не оставит тётке повода для притворных слёз.

Ли́ка схватила консервную банку и принялась лихорадочно вычерпывать воду. Тонкие руки налились неведомой си-

лой. Она кричала матом, которому научилась в порту. Молитвами, которые помнила от бабушки. Именами родителей, словно заклинанием против тьмы.

Отец учил: «Накрыло волной – не борись, пропусти над собой, нырни под гребень». Но как нырнешь, когда ты в лодке?

– Папа, держи меня! Мама, родная, помоги!

Небо раскололось. Горизонт прошила ослепительная молния. Гром ударил сразу, без задержки, прямо над головой, вбивая тело обратно в скамью. Оглохшая, ослепшая, Лика успела увидеть это.

Волна.

Чёрная, стеклянная, живая. Она поднималась, пожирая пространство, засасывая воздух. От неё веяло холодом глубин, куда никогда не проникает солнце. Вершина загнулась, покрываясь кружевом шипящей пены.

Лика перестала бороться. Просто смотрела, широко раскрыв глаза. В них была прозрачная, хрустальная пустота.

Лодка задрала нос почти вертикально. Снасти, жестянка, рванный дождевик – всё покатилося в кипящую бездну.

Лика вцепилась в мокрое дерево. Она видела, как гребень накрывает её тенью.

– Прости меня, пап... – только и успела выдохнуть она.

Удар был беззвучным. Мир перевернулся и исчез. Не стало ни верха, ни низа. Лёгкие обожгло ледяной тяжестью. Вода сомкнулась над головой, и наступила тьма. Глубокая, ли-

шённая всякого звука, кроме тяжёлого биения собственного сердца. Оно стучало всё тише, всё спокойнее. Тук... тук... тук...

...Первым, что вернулось, был звук.

Тихий, ласковый плеск.

Потом пришёл свет. Он просачивался сквозь сомкнутые веки. Тепло разливалось по щекам, по онемевшим пальцам. Пахло глиной, йодом и едва уловимо – рыбой.

Ли́ка открыла глаза.

Небо сияло лазурью, какая бывает после того, как буря уйдёт за край земли. Солнце висело у самого горизонта, его лучи золотили мокрый песок.

Ли́ка лежала на дне лодки. Она подняла руку – пальцы, минуту назад царапавшие дерево, были чистыми. На безымянном тускло блестело колечко. Мамино, которое Ли́ка год назад тайком вытащила из шкатулки тетки.

Ли́ка села, посмотрела на берег. Пустынный, бесконечный, он уходил вдаль белой лентой.

Ли́ка перелезла через борт. Она стояла в прохладной воде, глядя туда, где море сливалось с небом, и не понимала. Она ничего не помнила между падением в бездну и пробуждением.

Была ли борьба?

Выплыла ли она сама?

Или...

Ли́ка опустила взгляд. Вода вынесла на песок куклу. Ста-

рую, с пуговичными глазами, с волосами из капроновых ниток. Ту, которую она прижимала к груди, когда погибла «Надежда».

Этого не могло быть. Кукла сгорела в печи, когда тётка вычищала родительский дом.

Лица медленно наклонилась, подняла ее и в этот момент услышала голоса.

– Доченька! Мы уже сети проверили, а ты всё спишь! Улов-то какой!

Она вздрогнула. Со стороны дюн, залитых закатным солнцем, к воде спускались высокий мужчина с широкими скулами, в линялой тельняшке, с мозолистыми руками рыбака и тонкая женщина с развевающимися на ветру волосами, в которых запутались серебряные чешуйки. Они улыбались. За их спинами стоял деревянный дом. Из трубы вился дымок, пахнувший печёной картошкой и ухой.

Волна набежала на песок, обняла ступни тёплой пеной. На душе стало тихо, как не было много лет.

Девочка сделала шаг и вдруг побежала, поднимая босыми пятками фонтаны брызг, чувствуя, как упруго и надёжно держит её песок, а ветер подталкивает в спину.

Быть может, она всё же выплыла? Быть может, море, забравшее родителей, пощадило дочь? А может, волна, накрывшая лодку, была последним, что она видела в этом мире?

Никто не узнает правды. Только чайки, кружащие над пу-

стынным пляжем, видели, как маленькая фигурка в рваной штормовке вышла из воды и, не оставляя следов на мокром песке, побежала к солнцу. К тем, кто ждал её на берегу с песней о море, которое всегда возвращает рыбаков домой.

Я — дорога.

Всегда оставалась я.

Я – дорога.

Я все там же, где и была в начале: между старым, поросшим орешником холмом и бурной рекой. Там луг переходит в брод.

Меня углубляли, мостили, покрывали новыми слоями...

А иногда забывали.

И тогда я зарастала.

Но под дерном всегда оставалась я.

Солнце по-прежнему нагревает мою пыль. Осенний ветер носит надо мной запах прелых листьев и влажной земли. Я слышу, как далеко внизу, под слоями времени, все еще журчит вода древнего родника, который когда-то стал причиной моего появления.

Первым, кто по мне прошел, был олень. Он протоптал во влажном мху цепочку следов, и я превратилась в путь к водою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.